

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/1813-145X-2024-2-137-221
EDN: XENJLB

Интерпретация философских концептов русской классической литературы в японском культурном дискурсе

Андрей Дмитриевич Кравцов

Аспирант сектора философии культуры, Институт философии РАН. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
drewkrav@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-1065-6136>

Аннотация. Исследование посвящено анализу культурно-философских концептов «бог» и «душа» в русской классической литературе на примере произведения Антона Павловича Чехова «Палата № 6» и описанию, как эта повесть была осмыслена в рамках японской культуры в период Реставрации Мэйдзи. Основная цель статьи – исследовать и сравнить интерпретации философских значений ключевых концептов «бог» и «душа» в контексте русской и японской лингвокультурных систем, чтобы выявить, насколько схожи или различны эти понятия в данных культурах. Автор рассматривает перевод Сэnumы Кайо как пример первопроходческого опыта в адаптации русских произведений, обращая внимание на изменение акцентов, которые отражают специфику японской культурной и философской мысли обозначенного трансформационного периода. В рамках статьи оценивается использование японских философских концептов *ками* и *kokoro* в качестве используемых Сэnumой Кайо альтернатив концептам «бог» и «душа», а также сравнивается семантический контекст данных концептов. Результаты исследования способствуют осмыслению вклада Сэnumы Кайо в межкультурный диалог между Россией и Японией на примере анализа её интерпретации концептов «бог» и «душа» в контексте адаптации христианских идей для японской аудитории XIX в., а также способствуют углублению понимания специфики японской философской интерпретации русской классической литературы. Результаты исследования могут быть интересны не только специалистам в области литературоведения и культурологии, но и трансдисциплинарным исследователям, в поле научных интересов которых входят вопросы межкультурной философии и взаимовлияния культур в исторической парадигме.

Ключевые слова: русская классическая литература; философский анализ; Чехов; кросс-культурный обмен; период Реставрации Мэйдзи; концепт; культурология; японский культурный дискурс

Для цитирования: Кравцов А. Д. Интерпретация философских концептов русской классической литературы в японском культурном дискурсе // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 2 (137). С. 221–228. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-221>. <https://elibrary.ru/XENJLB>

Original article

Interpretation of philosophical concepts of russian classical literature in japanese cultural discourse

Andrey D. Kravtsov

Post-graduate student of the sector of philosophy of culture, Institute of philosophy, the Russian academy of sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12, bldg. 1
drewkrav@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-1065-6136>

Abstract. The study is devoted to the analysis of the cultural and philosophical concepts of «god» and «soul» in Russian classical literature using the example of Anton Pavlovich Chekhov's short story «Chamber № 6» and describing how this short story was comprehended within the framework of Japanese culture during the Meiji Restoration. The main purpose of the article is to investigate and compare interpretations of the philosophical meanings of the key concepts «god» and «soul» in the context of the Russian and Japanese linguistic and cultural systems in order to reveal how similar or different these concepts are in these cultures. The author considers the translation of Senuma Kayo as an example of pioneering experience in adapting Russian works, paying attention to the change in emphasis, which reflect the specifics of Japanese cultural and philosophical thought of the designated transformational period. The article evaluates the use of Japanese philosophical concepts *kami* and *kokoro* as alternatives to the concepts of «god» and «soul» used by Senuma Kayo, and compares the semantic context of these concepts. The results of the study contribute

to the understanding of Senuma Kayo's contribution to the intercultural dialogue between Russia and Japan using the example of analyzing her interpretation of the concepts of «god» and «soul» in the context of adapting Christian ideas for the Japanese audience of the XIX century, and also contribute to a deeper understanding of the specifics of the Japanese philosophical interpretation of Russian classical literature. The results of the study may be of interest not only to specialists in the field of literary criticism and culturology, but also to transdisciplinary researchers, whose scientific interests include questions about intercultural philosophy and the mutual influence of cultures in the historical paradigm.

Key words: russian classical literature; philosophical analysis; Chekhov; cross-cultural exchange; the Meiji Restoration period; concept; culturology; japanese cultural discourse

For citation: Kravtsov A. D. Interpretation of philosophical concepts of russian classical literature in japanese cultural discourse. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (2): 221-228. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-221>. <https://elibrary.ru/XENJLB>

Введение

В XIX веке Япония переживала период значительных социальных и политических изменений, известных как Реставрация Мэйдзи, которая началась в 1868 году. Этот период ознаменовался стремлением Японии к модернизации и вестернизации, что включало активное изучение западных технологий, науки и культуры. В этом контексте особое значение приобретало изучение иностранных языков, в том числе и русского. Россия, соседствующая с Японией и имеющая обширные интересы на Дальнем Востоке, представляла собой важный источник знаний и культурных влияний.

В этом контексте, с точки зрения предмета статьи, особенно интересна фигура Сэнумы Кайо, одной из первопроходцев в области японского литературного перевода, которая известна своей выдающейся ролью в ознакомлении японских читателей с русской литературой, в частности, с переводами произведений Антона Павловича Чехова. Кайо родилась в 1875 году и стала первой японской переводчицей русской литературы, что не только расширило культурные горизонты ее читателей, но и оказало значительное влияние на развитие литературы, адресованной молодым японкам, часто называемой «литературой для девочек» [Cockerill, 2011, с. 523]. Вклад Сэнумы заключается не только в её пионерстве как переводчицы с русского языка на японский, но и её выборочной переводческой стратегии, которая сместила акцент с широких социальных тем русской классической литературы на более индивидуальное и даже интимное изображение личного несчастья в любви, создав таким образом «девичью историю» в рамках более широкого повествования. Её новаторская работа познакомила японскую аудиторию с литературой России и предвосхитила появление нового жанра литературы для молодых японок, отражающего

их образовательные и эмоциональные потребности в начале XX века. Сэнума известна, в первую очередь, как переводчица работ Достоевского, Тургенева и Чехова. Но в рамках данной статьи мы сфокусируемся лишь на переводе Сэнумы «Палаты № 6».

Результаты исследования

Культурно-религиозный контекст работы японского переводчика.

Степень соответствия японских проблем российским, на которые обращает внимание Сэнума в своих переводах, значительна в контексте социальных и культурных трансформаций Японии того времени. Взаимосвязь между религиозными взглядами и культурной идентичностью глубоко переплетена, причем изменения в первых часто приводят к значительным трансформациям во вторых. Эту связь можно понять через анализ нескольких ключевых моментов, основанных на более широком академическом дискурсе о религии и культурной идентичности, представленном, например, в работе Алара Килпа «Religion in the construction of the cultural 'self' and 'other'». Килп в своих исследованиях показывает, что религиозные традиции, верования и практики играют центральную роль в формировании культурного «я», которое представляет собой коллективную идентичность группы. Это «я» часто определяется в оппозиции к «другому», которым может быть другая религиозная или культурная группа. И в самом деле, любая религиозная культура, в первую очередь, создает нарративные конструкции, в которых существует общество. Такие нарративы определяют отношение и место индивида в контексте его существования, а также отношения с абсолютным (например, отношение с природой, Богом и Вселенной). Помимо этих нарративов, Килп также приводит в пример механизмы конструирования идентичности через

религию как исключительность убеждений об истине, создающую четкую границу между группой «своих» и «чужих», а также ритуалы и символы, служащие механизмом укрепления идентичности. В целом, религия формирует моральные и этические кодексы, которые определяют поведение людей в группе [Kilp, 2011, с. 208]. Можно предположить, что культурная идентичность не связана с религиозной, однако Тэшфел и Тёрнер в 1970-х доказали, что человек обладает не одним «личным Я», а множеством «я» [Tajfel, Turner, 1986, с. 283]. В исследуемый период Мэйдзи, как и в Российской империи конца XIX в., культурная идентичность была прочно завязана на религии как доминантной движущей силе. В Японии это было особенно заметно, поскольку идеи конфуцианства послужили фундаментом выстраивания социальной жизни сёгунатом периода Эдо, предшествующему Мэйдзи. Таким образом, релевантность личностных проблем, которые интересуют Сэному Кайо в ее работах, коррелирует с более глобальной культурной проблемой формирования японской идентичности в период культурных и религиозно-философских трансформаций.

В эпоху Мэйдзи произошла трансформация философских взглядов под влиянием открывшейся для Японии западной философии и переоценки традиционных японских и восточных философий. По ряду причин в этот период особенно актуальными стали проблемы, которые несет в себе русская классическая литература XIX в.

Во-первых, акцент Реставрации Мэйдзи на модернизации и усвоении западной цивилизации привел к переоценке индивидуальных ролей в обществе. Внедрение западного позитивизма и утилитаризма такими учеными, как Фукудзава Юкити и Като Хироюки имело место под влиянием Дж. С. Милля и Огюста Конта, что создавало теоретическую основу для модернизации японской жизни и мысли [Snodgrass, 1997, с. 178]. Это включало в себя акцент на правах и свободах личности, что способствовало развитию движения за свободу и народные права. Переход к социал-дарвинизму Герберта Спенсера в конце 1870-х годов отразил растущий интерес к месту человека в обществе и давлению, оказываемому социальной эволюцией и конкуренцией [Pierson, 1974, с. 200].

Во-вторых, восприятие японцами западной философии в период Мэйдзи заставило гуманистически задуматься о традиционных способах обучения и мышления, в частности о конфуциан-

ских моделях мышления и поведения [Morisato, 2012, с. 12]. Знакомство Японии с западной философией, характеризующейся систематичностью и поиском первых принципов, бросило вызов традиционной конфуцианской этике и мировоззрению. Это знакомство с новым привело к переоценке отношений сущности и функции в трактовках философии организма, выявив характерный для Востока способ мышления, который отличался от западного дуалистического мышления. В частности, популярность экзистенциальной философии и исследование человеческого сознания стали центральной темой, при рассмотрении которой японские философы пытались примирить традиционную восточную мысль с современными западными идеями.

В-третьих, адаптация немецкого идеализма и развитие «философии организма» такими интеллектуалами, как Иноуэ Тэцудзиро, Иноуэ Энрё и Киёдзава Манси под влиянием буддизма Махаяны представляли истинную реальность как единое и живое целое [Kishimoto, 1954, с. 219]. В частности, на усвоение этого представления повлияла философия Г. В. Ф. Гегеля. Как известно, в гегелевской философии понятие «организм» используется для описания системы, в которой связь между частями и целым не просто внешняя или механическая, а скорее внутренняя и целенаправленная [Chaput, 2023, с. 255]. Каждая часть организма играет определенную роль, способствуя жизни и развитию целого, а целое, в свою очередь, придает смысл и контекст частям. Этот взгляд ознаменовал отход от механистического понимания мира периода Эдо, в котором вещи понимаются как отдельные сущности, взаимодействующие в причинно-следственных связях. И этот взгляд органически вписался в японское понимание органики. Так, конфуцианство придавало большое значение социальному порядку, когда люди понимали свое место в иерархической структуре и действовали в соответствии с предписанными ролями и обязанностями [Vito, 2009, с. 128]. Личные желания и интересы часто подчинялись потребностям семьи и общества, а основное внимание уделялось поддержанию гармонии и выполнению обязательств. Под влиянием немецкого идеализма укрепилась точка зрения, согласно которой все аспекты реальности, включая отдельных людей, были взаимосвязанными частями живого динамического целого [Ogawa, 2007, с. 60]. Этот взгляд подчеркивал значимость личности, но не в изоляции, и японцы стали рассматривать человека

как неотъемлемого элемента более крупного организма – общества и Вселенной. Такой философский сдвиг способствовал развитию самосознания и саморазвития, которые с наступлением реформ Мэйдзи преодолели ограничения, связанные с жесткими социальными структурами сёгуната периода Эдо [Ooms, 1994, с. 332], поскольку во время Эдо конфуцианские модели мышления и поведения делали акцент на социальной иерархии, индивидуальном этическом поведении и строгости образования, что в целом характеризовало образ жизни и мышления феодальной системы, в которой находилось японское общество [Honjo, 1932, с. 46].

Таким образом, данная философская трансформация привела к большему чувству личной самостоятельности и ответственности, что в то же время не было эгоцентричным в смысле приоритета индивидуальных желаний над коллективным благом. Напротив, речь шла о поиске гармонии и единства (円融實在論) в более широком контексте существования, например в философии Тэцудзиро [Morisato, 2012, с. 19]. На его точку зрения оказало глубокое влияние представление буддистов Махаяны о том, что все явления – выражение единой, лежащей в основе реальности (眞如) [Morisato, 2012, с. 25]. В такой перспективе, различие между собой и другими, субъектом и объектом является поверхностным; на более фундаментальном уровне все является частью одной и той же реальности. Такое понимание способствует развитию чувства ответственности и сострадания по отношению к другим, поскольку благополучие отдельного человека неразрывно связано с благополучием всего коллектива.

Следовательно, мысль философов Мэйдзи счастливо избежала опасностей западного индивидуализма и, напротив, привела к уникальному синтезу, сохранившему чувство коллективной идентичности и цели в рамках более динамичного и взаимосвязанного взгляда на реальность, переняв определённую долю традиции доминирующего в предыдущий исторический период сёгуната Токугавы конфуцианства.

Концепт души и бога в японской культуре и в восприятии художественной философии А. П. Чехова.

В контексте обозначенных философских трансформаций в восприятии японским обществом западных философских идей одним из центральных определяющих концептов был кон-

цепт «душа». Традиционно концепт *души* в японской культуре и религии многогранен и отражает богатую религиозную историю страны как результат симбиоза различных религиозных традиций, в частности синто, буддизма и, в меньшей степени, конфуцианства и даосизма. Важно понять, в какой мере эти концепции могут быть идентичны или различны в японской и русской культурных традициях, что является ключевым для анализа взаимопонимания и культурного обмена между двумя странами.

Традиционно в межкультурном контексте *душа* или *soul* привычно переводится на японский как *ками* (神), однако, данный термин более близок к понятию «дух». В исследовании японской философии природы концепция *ками* занимает центральное и особое место, значительно отличаясь от западных представлений о божественности или духовных сущностях. Термин «ками» в синто, коренной японской духовности, относится к широкому и многогранному спектру священных сущностей или духов. Они могут проявляться в различных формах, включая природные явления (такие как горы, реки и деревья), животных и даже почитаемых предков или исторических личностей. В отличие от западного христианского представления о божествах как о трансцендентных, всемогущих существах, отделенных от мира природы, *ками* имманентны, глубоко переплетены с физическим миром и жизненной силой, которая его пронизывает. Эта неразрывная связь подчеркивает фундаментальный аспект японской философии: единство и взаимное уважение между человечеством и природой. Именно на этой философской и гуманистической основе в японскую традицию вошли переводы и интерпретации прозы Чехова.

Философский нарратив в произведениях Антона Чехова определяется, прежде всего, его либеральным мировоззрением и непоколебимой приверженностью правдивости – принципами, которые пронизывают не только его литературные произведения, но и личную этику. Художественно-философский метод Чехова, характеризующийся всеохватывающей терпимостью и глубоким уважением к многообразию человеческого опыта, резко контрастирует с жестким «принципом партийности», распространенным в догматическом марксизме его эпохи [Grevstova, 2014, с. 61]. Творчество Чехова не только углубляет понимание экзистенциальных основ русской философии, но и побуждает к переоценке философских последствий, заложенных в его ли-

тературном исследовании «тайны человека». Благодаря своеобразному синтезу экзистенциального исследования и литературного мастерства Чехов вовлекает читателя в созерцательный диалог по основным вопросам человеческого существования, поэтому по праву считается одной из ключевых фигур русской философской мысли [Grevtsova, 2014, с. 60].

Повести Чехова – рассказы о «духовном тупике» – термин, который можно распространить на многие его произведения конца 1880-х– начала 1890-х годов. Так, в «Палате № 6» раскрываются философские и экзистенциальные вопросы отношения к абсолюту через веру и неверие. Повествование Чехова разворачивается в мире, лишённом трансцендентного и божественного, что делает его необычайно живым, безудержным и разнообразным. Этот самый «духовный тупик» сродни философской притче Фридриха Ницше о «безумце», который объявляет о смерти Бога, имея в виду не только христианское божество, но и божественное в самом широком смысле [Тихомиров, 2010, с. 312]. Автор в «Палате № 6» исследует духовный кризис героев произведения – Рагина и Громова, актуальный в контексте не только культурных и социальных трансформаций конца XIX века, но и философско-религиозных. Как этот текст воспринимался в Японии?

В своем переводе «Палаты № 6» Чехова Сэнума Кайо использует концепт *ками* 神 в словосочетаниях, которые можно разделить на 3 группы: от обращения к божественному (например, 神様, 神が) до описания человеческих условий или действий (神経質な, 神経的に), и даже употреблений в академической или профессиональной среде (神学大学). Использование варьируется от буквальных отсылок к Богу или богам до метафорического или образного языка, характеризующего человека или его поведение. В рамках данного исследования фокус внимания будет сосредоточен на первой группе – обращении к божественному:

1. Господь милосердный – 親切な神様に (здесь милосердный заменяется «добрым»).

2. Божеский ум – 神の如き.

3. Помогай вам бог, друзья! – 神は君等に助を給わん!

4. Если бы не было бога, то его выдумали бы люди – もし神が無かったとしたら、その時は人が神を考え出そう.

5. Подобию божьему – 即ち神の像たる人間が.

В контексте понимания бога в западной культуре, уходящей корнями в авраамические религии, нельзя утверждать, что семантическое использование 神 передает в полной мере сущность бога в западном понимании. Так, Д. К. Холтом выделяет четыре основных класса семантических толкований термина «ками»: разнородные, связанные со светом/зеркалом/солнцем/огнем, связанные с высшим/вышестоящим и связанные с тайной/благоговением/невероятностью [Holtom, 1940, с. 17]. Именно третья категория, которая когда-то была доминирующей интерпретацией и утверждала, что «ками», в первую очередь, означает «выше» или «превосходящий», была эффективно опровергнута доктором Ямамото Нобуки [Holtom, 1940, с. 27], филологические исследования которого показывают, что исторически «ками» в значении «божество» и «ками» в значении «выше» произносились по-разному, что указывает на то, что в древнем японском языке это были разные понятия. Четвертый тип интерпретации, связывающий «ками» с понятиями тайны и благоговения, подтверждается фактическим использованием этого термина в японской литературе и согласуется с современными психологическими исследованиями происхождения религиозных идей. Анализ Холтома показывает, что «ками» охватывает широкий спектр духовных существ и сил, и его значение не может быть адекватно отражено монотеистическим и единичным понятием Бог в христианстве [Holtom, 1940, с. 22].

Альтернативой, которой пользуется Сэнума Кайо в своем переводе для обозначения высшего и духовного, является *кокоро* (心) — часто переводимое как «сердце» или «душа». Это многогранный термин, который охватывает эмоциональные, духовные и интеллектуальные аспекты человеческого опыта. В отличие от западного представления о душе, которая часто понимается как бессмертная сущность, отделенная от тела и разума, *кокоро* глубоко интегрирована в бытие и поступки человека, отражает его истинную природу и намерения. Значение *кокоро* в японской философской мысли тесно связано с верой синто во взаимосвязь всего сущего: считается, что внутреннее состояние человека оказывает непосредственное влияние на его отношения с миром природы и духовными сущностями (*ками*). Чи-

стый *kokoro* считается необходимым для жизни в гармонии с окружающей средой и для искреннего и уважительного взаимодействия с *ками*. Это контрастирует с западным дуалистическим взглядом, где тело и душа часто рассматриваются как отдельные сущности, а душа является главным объектом духовной заботы [Alter, 1994, с. 144]. Концепция *kokoro* также отличается от западного представления о душе отсутствием четкого разграничения между священным и профанным. В японской философии священное не ограничивается отдельной сферой, присутствует в повседневном мире, а *kokoro* выступает в роли моста, соединяющего человека с более широкой реальностью бытия. Это целостное представление поощряет жизнь, наполненную осознанностью и вниманием к тонкому взаимодействию между внутренним «я» и внешним миром. Ниже приведен семантический список выражений, употребляемых с *kokoro*.

1. Измученная душа – 苛責まれ抜いた心.
2. Страдания – 心の苦痛.
3. Тревожить – 彼の心を攪乱して.
4. Совесть – 良心.
5. Душевные страдания – 心中はいよいよ苦悶と.
6. Охваченный ужасом – 心は不覚、気は動顛して.
7. Подавленный – 心を押しられた.
8. В глубине души – 心竅に.
9. В душе – 心の底.
10. В тайне – 心秘に.
11. Покой – 安心.
12. В душе – 心中.
13. Философствовать (рассуждать с открытым сердцем) – 虚心平気で.

Эмоциональные и духовные коннотации *kokoro* (в японской версии) и *души* (в русской версии) в соответствующих культурных контекстах наводят на мысль о глубоком совпадении, поскольку оба термина заключают в себе внутреннюю, нефизическую сущность человека, имеющую ключевое значение для его идентичности и этической ориентации. Эта параллель распространяется и на сферу философских исследований: изучение *kokoro* в японской литературе, в частности – в «Кокоро» Нацуме Сосэки, современника реставрации Мэйдзи, отражает ту же глубину, что и в западных философских рассуждениях о душе [Wright, 2005, с. 63; Fukuchi, 1993].

Исследователи Райт и Фукути не только за-

дают вопрос о природе самости, морали и существовании, но и создают канал для межкультурного взаимопонимания. Более того, символическое значение *kokoro* и души в японской и западной христианской культурах соответственно подчеркивает их роль как олицетворения сущности человечества и индивидуума, понимаемого как местонахождение эмоций, мыслей и духовной жизни. Эти общие аспекты делают перевод *kokoro* как *душа* убедительным, лингвистическим и концептуальным мостом между двумя культурами.

С другой стороны, концепт *kokoro*, глубоко укоренившийся в японской культуре, истории и языке, представляет собой сложный нюанс, который не поддается прямому переводу в западное понятие «душа». Как можно видеть из указанного ранее разнообразия контекстов использования иероглифа *kokoro* в японском языке на примере перевода «Палаты № 6», это понятие выражает более широкий спектр эмоциональных переживаний и психологических состояний, которые не всегда напрямую связаны с душой как источником этих переживаний. В японском контексте *kokoro* может включать в себя такие аспекты, как чувства, мысли, настроение и даже суть человеческого бытия. Помимо этого, в японской культурной традиции понятие души часто воспринимается скорее как часть широкого духовного и психологического континуума, а не как отдельная метафизическая сущность, что отличается от западных представлений о душе. В этом смысле, *kokoro* может быть ближе к понятию «сердце» в его метафорическом использовании, отражающем внутренний мир человека, его искренние чувства и намерения. Это обусловлено запутанными связями *kokoro* с конфуцианской, буддийской и синтоистской философией, которые наделяют его слоями смысла, отсутствующими в преимущественно христианских коннотациях «души». Особенно в период культурных и интеллектуальных трансформаций эпохи Мэйдзи концепция *kokoro* – контекст, не отражаемый западной концепцией «души», что делает прямой перевод в какой-то степени редуцированным [Pollack, 1988, с. 247]. Языковая многогранность *kokoro* в японском языке, проявляющаяся в использовании целого спектра сложных слов и выражений, отражает те грани человеческой психологии, общества и морали, которые русская «душа» не может передать, подчеркивая ограниченность языковой гибкости в передаче всей сущности *kokoro*, с одной стороны, как

и передачи глубины феномена «души» в русской культуре и языке. Это подкрепляется в том числе и отсутствием перевода деталей, по большей степени относящихся к характеру душевной боли и страданий, указывающий напрямую не только на степень переживаемых эмоций (в целом, русский оригинал намного более эмоционален и полон градации переживания эмоций), но и сложность самого источника этих страданий. Более того, исследование *kokoro* в японской литературе, характеризующееся этическими дилеммами и философскими вопросами, характерными для японской культурно-исторической среды, значительно отличается от философских и этических измерений, обычно ассоциируемых с *душой* в западной и особенно в русской православной философской мысли.

Заключение

В заключение следует отметить, что исследование проблем интерпретации духовности русской классической литературы в японском культурном дискурсе подчеркивает глубину межкультурных диалогов, которые порождают литература и ее интерпретации. В своем исследовании мы старались подчеркнуть, что существуют тонкие философские взаимосвязи между ключевыми понятиями «бог» и «душа», выраженными как в русской классической литературе, так и в их интерпретациях в японском культурном контексте, чему способствует преобразующая сила перевода Сэnuma Кайо. Анализ ее новаторских переводческих усилий обнаруживает сложный процесс культурной адаптации и реинтерпретации, который выходит за рамки простого языкового преобразования.

Библиографический список

1. Тихомиров С. В. Мир без Абсолюта: чеховская версия // Преподаватель XXI век. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-bez-absolyuta-chehovskaya-versiya> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Alter J. S. Self as Body in Asian Theory and Practice. Ed. Thomas P. Kasulis, Roger T. Ames, and Wimal Dissanayake // The Journal of Asian Studies. 1994. Vol. 53. № 1. P. 143–145.
3. Bito M. Confucian Thought during the Tokugawa Period // 国立民族学博物館学術情報リポジトリ. 2009. DOI: 10.15021/00003366
4. Chaput E. Autopoiesis and Life in Hegel's Science of Logic // Science et Esprit. 2023. Vol. 75. № 2. P. 253–271.
5. Cockerill H. A Japanese «Girl's Reading» of Dostoevsky's Poor Folk: Senuma Kayō and the Origins of Japanese «Girls' Literature» // Asian Studies Review. 2011. Vol. 35. P. 521–540. DOI: 10.1080/10357823.2011.628006.
6. Fukuchi I. Kokoro and 'the Spirit of Meiji' // Monumenta Nipponica. 1993. Vol. 48. № 4. P. 469–488.
7. Grevtsova E. S. Philosophic content of Anton Chekhov's work // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/philosophic-content-of-anton-chekhovs-work> (дата обращения: 15.02.2024).
8. Holtom D. C. The Meaning of Kami. Chapter I. Japanese Derivations // Monumenta Nipponica. 1940. Vol. 3. № 1. P. 1–27.
9. Honjo E. From the Tokugawa Period to the Meiji Restoration // Kyoto University Economic Review. 1932. Vol. 7. № 1. Pp. 32–51.
10. Kilp A. Religion in the construction of the cultural 'self' and 'other' // Estonian National Defence College Proceedings. 2011. № 14. P. 197–222.
11. Kishimoto H. Mahāyāna Buddhism and Japanese Thought // Philosophy East and West. 1954. Vol. 4. № 3. P. 215–223.
12. Michelini F., Wunsch M., Stederoth D. Philosophy of nature and organism's autonomy: on Hegel, Plessner and Jonas' theories of living beings // Hist Philos Life Sci. 2018 Aug 30; 40(3): 56. DOI: 10.1007/s40656-018-0212-3.
13. Morisato T. (trans.). The Philosophical World of Meiji Japan // Originally published as「明治の哲学界:有機体の哲学とその系譜」in 井上克人編『豊饒なる明治』. Kansai Daigaku Shuppanbu, 2012. P. 3–22.
14. Ogawa T. A Study on Heidegger's Philosophy of existence and Japan's Development in the Contemporary World // Studies in Regional Science. 2007. Vol. 37, Issue 1. P. 59–78. DOI: 10.2457/srs.37.59.
15. Ooms H., Kurozumi M. Introduction to 'The Nature of Early Tokugawa Confucianism' by Kurozumi Makoto // Journal of Japanese Studies. 1994. Vol. 20. № 2. P. 331–375. DOI: 10.2307/133197.
16. Pierson J.D. The Early Liberal Thought of Tokutomi Sohō. Some Problems of Western Social Theory in Meiji Japan // Monumenta Nipponica. 1974. Vol. 29. № 2. P. 199–224. DOI: 10.2307/2383806.
17. Pollack D. Framing the Self. The Philosophical Dimensions of Human Nature in Kokoro // Monumenta Nipponica. 1988. Vol. 43. № 4. Pp. 417–427.
18. Snodgrass J. The Deployment of Western Philosophy in Meiji Buddhist Revival // The Eastern Buddhist. 1997. Vol. 30. № 2. P. 173–198.
19. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relation / Ed. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago : Hall Publishers, 1986. P. 277–293.
20. Wright J. L. Plato's Socrates and Soseki's Sensei: Living the Sovereign Life // Asian Philosophy. 2005. Vol. 15. № 1. P. 61–76. DOI: 10.1080/1463136042000328007.

Reference list

1. Tihomirov S. V. *Mir bez Absoljuta: chehovskaja versija = World without the Absolute: Chekhov's version* // *Prepodavatel' HHI vek.* 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-bez-absolyuta-chehovskaya-versiya> (data obrashhenija: 15.02.2024).
2. Alter J. S. *Self as Body in Asian Theory and Practice.* Ed. Thomas P. Kasulis, Roger T. Ames, and Wimal Dissanayake // *The Journal of Asian Studies.* 1994. Vol. 53. № 1. P. 143–145.
3. Bito M. *Confucian Thought during the Tokugawa Period* // *国立民族学博物館学術情報リポジトリ.* 2009. DOI: 10.15021/00003366
4. Chaput E. *Autopoiesis and Life in Hegel's Science of Logic* // *Science et Esprit.* 2023. Vol. 75. № 2. P. 253–271.
5. Cockerill H. *A Japanese «Girl's Reading» of Dostoevsky's Poor Folk: Senuma Kayô and the Origins of Japanese «Girls' Literature»* // *Asian Studies Review.* 2011. Vol. 35. P. 521–540. DOI: 10.1080/10357823.2011.628006.
6. Fukuchi I. *Kokoro and `the Spirit of Meiji' // Monumenta Nipponica.* 1993. Vol. 48. № 4. P. 469–488.
7. Grevtsova E. S. *Philosophic content of Anton Chekhov's work* // *Vestnik RUDN. Serija: Filosofija.* 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/philosophic-content-of-anton-chekhovs-work> (data obrashhenija: 15.02.2024).
8. Holtom D. C. *The Meaning of Kami. Chapter I. Japanese Derivations* // *Monumenta Nipponica.* 1940. Vol. 3. № 1. P. 1–27.
9. Honjo E. *From the Tokugawa Period to the Meiji Restoration* // *Kyoto University Economic Review.* 1932. Vol. 7. № 1. Pp. 32–51.
10. Kilp A. *Religion in the construction of the cultural 'self' and 'other'* // *Estonian National Defence College Proceedings.* 2011. № 14. P. 197–222.
11. Kishimoto H. *Mahāyāna Buddhism and Japanese Thought* // *Philosophy East and West.* 1954. Vol. 4. № 3. P. 215–223.
12. Michelini F., Wunsch M., Stederoth D. *Philosophy of nature and organism's autonomy: on Hegel, Plessner and Jonas' theories of living beings* // *Hist Philos Life Sci.* 2018 Aug 30; 40(3): 56. DOI: 10.1007/s40656-018-0212-3.
13. Morisato T. (trans.). *The Philosophical World of Meiji Japan* // Originally published as 「明治の哲学界:有機体の哲学とその系譜」 in 井上克人編『豊饒なる明治』. Kansai Daigaku Shuppanbu, 2012. P. 3–22.
14. Ogawa T. *A Study on Heidegger's Philosophy of existence and Japan's Development in the Contemporary World* // *Studies in Regional Science.* 2007. Vol. 37, Issue 1. P. 59–78. DOI: 10.2457/srs.37.59.
15. Ooms H., Kurozumi M. *Introduction to 'The Nature of Early Tokugawa Confucianism' by Kurozumi Makoto* // *Journal of Japanese Studies.* 1994. Vol. 20. № 2. P. 331–375. DOI: 10.2307/133197.
16. Pierson J.D. *The Early Liberal Thought of Tokutomi Sohō. Some Problems of Western Social Theory in Meiji Japan* // *Monumenta Nipponica.* 1974. Vol. 29. № 2. P. 199–224. DOI: 10.2307/2383806.
17. Pollack D. *Framing the Self. The Philosophical Dimensions of Human Nature in Kokoro* // *Monumenta Nipponica.* 1988. Vol. 43. № 4. Pp. 417–427.
18. Snodgrass J. *The Deployment of Western Philosophy in Meiji Buddhist Revival* // *The Eastern Buddhist.* 1997. Vol. 30. № 2. P. 173–198.
19. Tajfel H., Turner J. C. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior* // *Psychology of Intergroup Relation / Ed. S. Worchel, W.G. Austin.* Chicago : Hall Publishers, 1986. P. 277–293.
20. Wright J. L. *Plato's Socrates and Soseki's Sensei: Living the Sovereign Life* // *Asian Philosophy.* 2005. Vol. 15. № 1. P. 61–76. DOI: 10.1080/1463136042000328007.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 28.03.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 28.03.2024.